

ВЕХИ ПУТИ

Выставки

Выставки художника Илья Глазунова всегда собирали массу зрителей и вызвали страстные споры. И что бы ни говорилось в этих дискуссиях, ясно было одно — обойти выставку, равнодушно скользнув взглядом по произведениям художника, нельзя. Они вызывают внимание, они заставляют задумываться, они требуют отклика.

Стала событием в культурной жизни столицы и новая выставка Илья Глазунова в Центральном выставочном зале. Более четырехсот живописных полотен и рисунков позволяют уже не только говорить о несомненном таланте и зрелости мастера, но и проследить вехи его сложного пути.

Видно, надо иметь в виду детство и отрочество художника (тяжелые блокадные годы в Ленинграде, когда он потерял родных и близких, умерших от голода на его глазах), чтобы полнее почувствовать одну из линий его творчества, полную трагизма. Скупными средствами, низведенными порой до жестокого символа, поведал художник в своих картинах о тоскливом мраке, сдавшем пламя копилки, о почти остекленевших глазах голодного ребенка... Серия «Ленинградская блокада» (1956 г.) сразу привлекла внимание к Глазунову.

Выезженного по «ледовой дорожке» и оказавшегося в новгородской деревушке на берегу озера Великого, полуживого подростка выходили в крестьянской семье, а он, навсегда пленившийся душевной щедростью простых людей и красотой русской природы, станет прославлять их потом в своих полотнах.

Но горькое сиротство в послевоенном городе не было забыто сразу и дало себя знать в излишне мрачном колорите картин городского лирического цикла. Тяжелый туман, сырая пелена ложатся на серые размытые здания, на го-

лые мокрые деревья, давят на людей. Под иссеченным непогодой громадным небом рождается любовь. И кажется, что она — единственное убежище и опора на нелегком пути лирического героя, маленького человечка, карабкающегося на верш гигантской, продуваемой ветром лестницы. Пессимизм раннего Глазунова не раз вызывал справедливые нарекания критики, а его склонность к туманным символам не изжита до конца...

Есть несомненное родство с атмосферой этого цикла в осмыслении художником творчества Достоевского, — в портретах великого писателя и иллюстрациях к его произведениям. Так, Илья Глазунов чутко уловил настроение сентиментального романа «Белые ночи», где своеобразное природное явление русского Севера и не описано вовсе, а чувствуется... Белая ночь в тревоге, которая гонит мечтателя на улицы, залитые призрачным светом. Белая ночь в ощущении мимолетности счастья... Графическим листам-иллюстрациям к произведениям Достоевского, Мельникова-Печерского, Лескова, Некрасова, Никитина, Гончарова, А. К. Толстого, Блока, Куприна отведено немалое место на выставке. В них художник воссоздает Россию, ушедшую, но еще живущую для нас в мире русской классики.

Глазунову — иллюстратору помогает его талант портретиста. «...Человек не всегда на себя похож, а потому (художник.—Д. Ж.) и отыскивает «главную идею его физиономии», тот момент, когда субъект наиболее на себя похож. В умеении приискать и захватить этот момент и состоит дар портретиста». Так писал Достоевский. Так в сущности и делает Глазунов-портретист. Он схватывает духовную сущность человека и передает ее прежде всего в выражении глаз. Во всем ос-

тальном ищет лишь уверенное сходство, для чего выработал собственную технику графического портрета.

Галерея портретов наших современников, созданная трудолюбивым художником, очень велика. Лишь часть ее попала на выставку. Глазунов писал портреты космонавтов, актеров, рабочих, врачей, писателей, колхозников, государственных деятелей самых разных стран. Именно искусство портретиста продолжило дорогу к признанию и утверждению художника. В портретах он следует традициям русского искусства, никогда не грешившего ни натурализмом, ни абстракционизмом, а заботившегося о выражении внутреннего мира человека через правду внешнего, объективно существующего мира.

Зарубежные поездки художника всегда были связаны с напряженной работой. Он запечатлел героический боевой подвиг народа Вьетнама в десятках портретов и картин и выставлял их в Ханое. На открытии выставки Глазунова в Сантьяго президент Чили Сальвадор Альенде сказал: «Меня поразила удивительная творческая работоспособность художника, сумевшего за такой короткий срок раскрыть и передать душу и облик трудовых людей Чили». К сожалению, созданный Глазуновым портрет самого Альенде уничтожен при штурме президентского дворца...

Из каждой своей поездки по родной стране (совсем недавно художник побывал на БАМе) Глазунов привозил десятки портретов, этюдов и множество репортажных зарисовок, которые уже сами по себе имеют ценность документов нашего времени. Широко представленные на выставке, они говорят о том, что художник в своем непрестанном творческом поиске пристально вглядывается в события и людей нашего времени.

Интернационализм невоз-

можен без любви к своему Отечеству, его истории. И совсем не случайно, что особое внимание привлекают картины, связанные с историей России. Известен большой интерес художника к искусству Древней Руси, к истокам многовековой культуры, причем каноны древнерусской живописи им плодотворно переосмыслены в собственной манере и пафосе. Немеркнущая красота России — ее города и храмы, поля и леса запечатлены в исторических полотнах. «Русская песня», «Легенда о царевице Димитрии», цикл «Поле Куликово», «Господин Великий Новгород», «Борис Годунов» — уже одни названия заставляют вспоминать героические и драматические страницы прошлого нашего народа. К сожалению, сам народ не получил достаточного отражения в работах художника.

Говоря о самобытности Илья Глазунова, о продолжении им традиций замечательной русской живописи, хотелось бы подчеркнуть, что художник — человек думающий, ищущий ответы на сложные вопросы современности. В его полотнах всегда есть глубина, порой тревожная, но всегда обнадеживающая...

Творчество Илья Глазунова далеко не бесспорно. Обращает на себя внимание некоторая односторонность в выборе тем, пристрастие к религиозным мотивам, подчеркивание трагических сторон русской истории. В произведениях художника не находят должного отражения те моменты и движущие силы истории, которые привели к рождению могучего Советского государства и подлинно демократической культуры. Спору нет, забывать о корнях не следует. Но нужно ли утверждать эту мысль порою столь нарочито? Иногда художнику изменяет чувство меры, он увлекается замысловатой риторикой, непродуманно

противопоставляет духовную жизнь прошлого современному социальному и научно-техническому прогрессу, противореча собственным же устремлениям раскрывать неразрывную связь времен.

К спорным картинам такого рода можно отнести «Возвращение блудного сына». Вложив в традиционный сюжет новый смысл, художник, видимо, хотел выразить надежду на возвращение к великим истокам тех, кто еще мучительно барахтается в грязной тине свинских нравов, нигилистического отношения к культуре, узкого практицизма, духовной нищеты. Но если общий замысел картины не вызывает сомнений, то символы, которые художник избрал для обличения зла, дают пищу для различных измышлений и кривотолков...

Хотелось бы пожелать художнику более глубокого осмысления нашей советской действительности и, разумеется, истории. И преодоления недостатков, о которых говорилось выше.

Я уже вижу движение в этом направлении во многих его портретах наших современников.

Я вижу возросшую зрелость художника в полотне «Два князя», где изобразительная лаконичность и красочность сочетаются с напряженностью композиции и глубокой патриотической мысли о том, что неразрывна связь поколений, укрепляющаяся в грозные годы испытаний...

Я вижу такого художника в «Князе Игоре», собирательном образе русского воина, чей ясный взгляд говорит о великой преданности Родине и спокойной отваге убежденного человека. В этой картине все прекрасно — и буйное пламя плаща, как бы вобравшее в себя отблески военных пожаров, и копыта, возмещающиеся к облакам, и солнце, ставшее здесь символом вечности и несокрушимости Добра.

Я вижу такого художника в пейзаже «Первый снег», который считаю истинным объяснением в любви к Родине, рассказом о неброской, но неизменной красоте земли.

Дмитрий ЖУКОВ.